

Часть I

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГЕНЕЗИСА СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМИЗМА: К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ АНАЛИЗУ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА, ИНДИИ И КИТАЯ

Данная часть посвящена систематическому рассмотрению предпосылок становления современного исламизма на Ближнем и Среднем Востоке через сравнительный анализ некоторых тенденций развития данного макрорегиона, Индии и Китая.

Определение исламизма будет дано во второй части монографии, там же и в части третьей мы подробно остановимся на его характеристиках. В первой части мы рассмотрим историко-региональный и мир-системный контекст возникновения современного исламизма.

Глава 1. Государственность, исторические традиции и цивилизационные особенности Ближнего Востока, Индии и Китая

Ближний и Средний Восток (БСВ), равно как и Китай с Индией, представляет собой очень сложную и неоднородную в разных смыслах систему, самостоятельный мир (по выражению Ф. Броделя), в меньшем объеме отражающий исключительно сложную палитру взаимоотношений своих субъектов и единиц. На первый взгляд, это особенно касается именно Ближнего и Среднего Востока, где сосуществуют множество государств и обществ с очень разной культурой и различными конфессиями, находящихся между собой порой в крайне напряженных и откровенно враждебных отношениях¹. Однако в некоторых аспектах, например, в плане языка,

¹ Подробнее о разных странах и регионах Ближнего Востока см.: Гринин и др. 2016.

этничности и религии, Ближний и Средний Восток, пожалуй, выглядит куда более гомогеннее, чем, скажем, Индия, которая является одним из самых многонациональных государств мира². Данная гомогенность стала важнейшей основой для интернационализации исламизма, для того, чтобы это течение и идеология легко пересекали границы государств, делая их прозрачными.

1.1. Слабость государственности на Ближнем Востоке и укрепление исламизма. Цивилизационные аспекты

Слабость государственности. Успехам исламизма способствует и традиционная слабость государственности в странах БСВ. Слабыми традициями государственности на Ближнем и Среднем Востоке (за исключением Египта, Турции и в определенной мере Ирана) объясняют и неустойчивость многих режимов, и недостаточный уровень модернизации. В то же время в Индии вследствие успешного государственного строительства, состоявшегося не в последнюю очередь благодаря длительному внутреннему миру при колониальной администрации и заложенных ею административных традициях (Кей 2011), удалось успешнее и с меньшими затратами решить многие проблемы. Таким образом, в настоящий момент уровень развития государственности в Китае и Индии в целом существенно выше, чем в большинстве ближневосточных стран, хотя вновь подчеркнем, что среди последних разброс в этом плане колоссальный. Таким образом, разница в уровне государственности во многом определяет и пути к глобализации, и успехи стран БСВ и других регионов, а также большей частью объясняет их внутренние и внешние проблемы (об особенностях политических систем и политической культуры стран Востока см.: Воскресенский 2007; см. также: Гринин, Коротаев 2007; Гринин 2010).

Одна из главных идей исламизма состоит в противопоставлении правильного, высокодуховного, высокоморального исламского общества и меркантильного, бездуховного, аморального Запада. Следует сказать, что для нелюбви к Западу у населения БСВ есть

² Ее населяют несколько сотен этнических групп различного расового происхождения, говорящих на языках, относящихся к нескольким лингвистическим семьям (современная индийская статистика выделяет 1562 языка). Кроме того, население, насчитывающее более 1 млрд 200 млн человек, исповедующих различные религии, раздроблено на десятки тысяч каст и подкаст (Горохов 2011).

прочные исторические основания (хотя мы, в отличие от С. Хантингтона, не считаем, что эти исторические корни размежевывают цивилизации непреодолимо).

Тем не менее, разумеется, несмотря на происходящую модернизацию (а в некоторых аспектах – благодаря ей), культурно-религиозное (идеологическое) наследие и традиции, насчитывающие от 1,5 до 2,5 тыс. лет, не могут не оказывать огромное влияние на все текущие процессы и явления, тем более в странах, где большая часть населения по-прежнему малообразованна, а религия является важнейшей скрепой для формирующихся наций (как в Саудовской Аравии, странах Залива и Магриба, а также в Индии). В этом плане представляется обоснованной мысль, что верность восточного общества своей традиции вновь объединяет его в стремлении сохранить самостоятельность в условиях глобализации (Яковлев 2015: 6).

Сравнение в цивилизационном аспекте. Если сравнивать Китай, Индию и Ближний Восток (БВ) в аспекте цивилизационном, то из трех цивилизаций ближневосточная сохраняет цивилизационные черты в наибольшей степени (возможно, это также говорит и о том, что она в культурно-модернизационном плане пока является наиболее отстающей).

Ближний Восток из-за раннего созревания там цивилизации, урбанизации и формирования бюрократии, относительно слабой этничности, высокой корпоративности служителей культов, влияния кочевников и ряда других исторических особенностей создал много крупных государственных образований, но тем не менее, за исключением территорий собственно Персии и Египта (и в какой-то мере еврейских и армянских государств), прочные этногосударственные образования там не сложились. Не сложились также прочные развитые государства, которые, временно утратив централизацию, стремились бы к своему воссозданию, как это наблюдалось в Китае (см. подробнее: Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Гринин 2010). Напротив, после распада империй они уже не воссоздавались, а вместо них формировались иные с другой по этничности и культуре элитой, либо эти территории и вовсе становились частью иноэтничных империй.

Эта непрочность внутреннего единства территорий, входящих в государственные образования, имела место и после формирования исламских халифатов и эмиратов, бесконечно меняющих свои границы. Она не исчезла ни в результате турецкого владычества, ни во

время колониального и квазиколониального господства Франции и Англии и сохранилась, по сути, до наших дней на многих территориях Ближнего и Среднего Востока. Сегодня там, не считая Израиля, реально существуют три государства, границы которых поддерживаются национальным самосознанием и единством населения: Турция, Иран и Египет³. Что касается остальных, то в некоторых странах этот процесс внутреннего укрепления идет достаточно успешно, но в других целостность границ поддерживается главным образом в результате того, что мировое сообщество не склонно менять эти границы, хотя те или иные влияния могут изменить ситуацию. И сегодня она довольно шаткая в Ливии, Йемене, Афганистане, Ираке, Сирии и др.

Таким образом, некоторые исторические традиции продолжают обуславливать мировосприятие и влияние рассматриваемых регионов на мир. Обобщая вышесказанное, очень условно можно было бы сказать, что *Ближний и Средний Восток вовлекает мир в собственные проблемы, одновременно генерируя свое резкое неприятие другого образа жизни, продолжая борьбу за сохранение и победу ислама. Индия сосуществует с миром, адаптируя современные влияния и трансформируя их в рамках своей мир-системы. Китай стремится создать собственную китаецентричную мир-систему, пока экономическую, концентрируя экономическую мощь за счет государственной политики и, по сути, государственной экспансии в другие регионы.*

Ближний и Средний Восток в отличие от Индии и Китая всегда имел тесные связи с Европой (Западом). При этом взаимоотношения носили комплексный характер, контакты в конечном счете служили для взаимного обогащения технологий и культур. Однако баланс сил менялся. Близость к Европе явилась причиной, по которой именно в ближневосточных странах (прежде всего в Турции и Египте) модернизация, особенно военная, началась раньше, чем в других восточных обществах. Однако в настоящее время это преимущество БСВ по сравнению с Индией и Китаем в основном потерял, хотя по некоторым показателям Индия все еще от него отстает (например, по грамотности населения, см. Рис. 1.1). Тем не менее отметим, что БСВ лидирует по такому важному показателю, как урбанизация (см. Рис. 1.2).

³ При этом у Турции имеются проблемы с курдскими окраинами, которые стремятся к отделению.

Рис. 1.1. Динамика грамотности в Китае, Индии и странах БСВ, % взрослого населения

Источник данных: World Bank 2019.

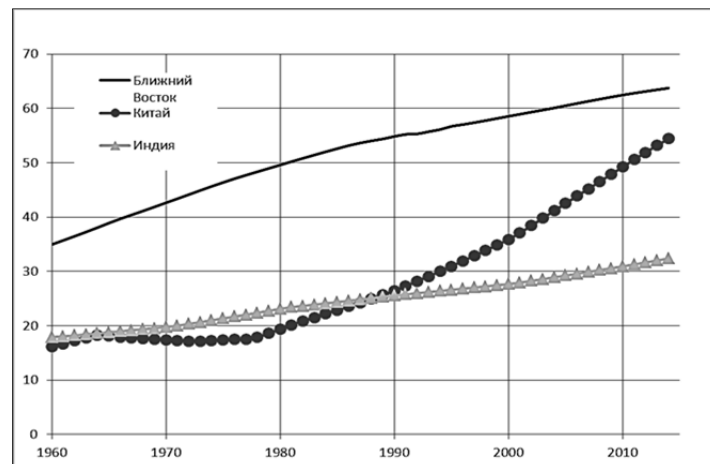

Рис. 1.2. Динамика доли городского населения в Китае, Индии и странах БСВ, %

Источник данных: World Bank 2019.

Между тем, как справедливо отмечается, исламизм – это идеология урбанизирующегося общества (см., например: Кепель 2004).

Надо сказать, что Ближний Восток уже в Средние века и раннее Новое время имел очень высокий для той эпохи уровень урбанизации, являясь едва ли не лидером Мир-Системы в этом отношении (см., например: Гринин, Коротаев 2009a; Grinin, Korotayev 2015).

Сравнение с Китаем в плане особенностей политических режимов. Если сравнивать БСВ с Индией и Китаем в плане особенностей политических режимов, то мы видим, что относительно устойчивая демократическая система качественно отличает Индию от ближневосточных обществ (анализ особенностей индийской демократии см.: Алаев 2007). А твердый авторитарный режим Китая отличается своей прочностью от ряда ближневосточных неконсолидированных демократий. В этом одна из главных проблем, а возможно, и ловушек ближневосточных обществ, в которых значительная часть населения как будто уже готова к демократии, в отличие от общества в целом (см., например: Гринин и др. 2016).

Несмотря на различия в режимах рассматриваемых регионов, все они имеют определенные важные черты сходства в том, что называется политической культурой (см. о ней: Воскресенский 2007; Стрежнева 2007; Мельвиль 2002; Коктыш 2002). В их числе – высокая роль бюрократии в обществе, по сути, ее всевластие, связанная с этим коррупция, большое влияние бюрократической верхушки на бизнес, в частности, попытки установить личный контроль (через членов семьи, клана или подконтрольных людей) над наиболее важными и/или выгодными сферами бизнеса, nepotизм, стремление встать над законом и т. п. (см., например: Ефимова 2007; Сапронова 2007; Алаев 2007: 499 и другие главы коллективных монографий под редакцией А. Д. Воскресенского [2007; 2011]). Конечно, в монархических странах арабского мира ситуация несколько иная, поскольку члены королевских семей и кланов имеют более легитимные права на контроль над бизнесом и обществом. По сути, монархические кланы составляют верхнюю страту в обществе⁴ в плане занятия высших постов, но тем не менее

⁴ В Катаре, например, правящее семейство Аль Тани вместе с родственными и союзными племенами насчитывает до 20 тыс. человек, то есть около 10 % всего коренного населения страны (Сапронова 2007: 152).

сходств много (см., например: Сапронова 2007; Донцов, Чурилина 2007).

Таким образом, причин для недовольства правительством и политическими кланами у населения стран БСВ много, что также усиливает положение исламистов, находящихся в оппозиции, и привлекательность их внешне убедительного и понятного для населения лозунга о том, что главная беда – в забвении исламских принципов «зарвавшейся» верхушкой общества.

В то же время позиции исламизма усиливаются тем, что роль государства в регулировании экономики и социальной жизни растет. Будучи слишком слабыми, чтобы противопоставить исламизму националистические идеи, многие государства БСВ достаточно сильны, чтобы население возлагало на них ответственность за поддержание уровня его жизни. Отсюда политическая власть становится легкой мишенью для критики со стороны исламистов.

Почти во всех странах можно увидеть те или иные черты социального государства, хотя основания для проведения социальной политики весьма различны. Нефтедобывающие государства Ближнего Востока используют нефтяные доходы для разнообразной поддержки населения, включая льготы, которые выглядят экзотически, тем самым создавая высокий уровень потребления и иждивенчества у коренных жителей региона, на которых в это время трудятся миллионы мигрантов из более бедных стран. Египет также довольно давно проводит социальную политику по ряду направлений, в частности, существуют дотации на хлеб, рис, сахар, растительное масло (см., например: Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; 2011в; 2011г).

1.2. Место в Мир-Системе и формирующемся мировом порядке

Ближний Восток, по нашему мнению, изначально был ведущим центром формирующейся Мир-Системы (см., например: Коротаев, Малков, Халтурина 2005а; 2005б; 2007; 2008; Гринин, Коротаев 2009а; Гринин 2012а; Grinin, Korotayev 2012; 2013а; 2013б; 2014а). Формирование китайского и индийского центров Мир-Системы и затем их объединение с ближневосточным сделало данную Мир-Систему афроевразийской, но главным центром ее все равно длительное время оставался Ближний Восток, пока в 1-м тыс. до н. э.

ее центр не начал смещаться, с одной стороны, к Европе, а с другой – к Китаю. С Великими географическими открытиями центр Мир-Системы, теперь уже глобальной, переместился в Европу. Но если Ближний Восток продолжал играть в мир-системных связях достаточно важную роль, то Индия и Китай оставались далекими окраинами европоцентрической Мир-Системы, при этом не особо заинтересованными (в особенности это относится к Китаю) в развитии связей с Европой (Алаев и др. 2010; Кей 2011; Голдстоун 2014). В конце XIX – первой половине XX в. все три общества продолжали оставаться явной периферией Мир-Системы (за исключением, пожалуй, Турции), при этом в Китае и на некоторых территориях Ближнего Востока наблюдался глубокий кризис (хотя в Османской империи в этот период ситуация в целом улучшалась [см., например: Gelvin 2008; Maddison 2010]).

Ближний Восток, Индия и Китай вступали в мировые процессы в результате краха колониальных империй и роста политического значения развивающихся стран. К сожалению, это вступление повсюду было связано с военными конфликтами, в какой-то мере неизбежными, поскольку формирование новых государств всегда вызывает сложности при разделении народов и проведении границ, тем более когда такие разделы осложнены наследием колониализма, Второй мировой войны и послевоенным противостоянием социализма и капитализма.

Образование после Второй мировой войны индийского и возрождение китайского государства означали очень серьезные изменения в Мир-Системе, влияние которых постоянно нарастало и, пожалуй, будет еще увеличиваться в течение ближайших десятилетий. К этим изменениям добавилось появление целого ряда новых государств на Ближнем Востоке. Все это существенно ослабило ядро Мир-Системы, особенно ее бывших лидеров (Англию, Францию и побежденную Германию вкупе с Японией). Мир (мировой порядок) стал двуполярным, сформировавшись по линии «социализм – капитализм». Третий мир хотя и оставался периферией, в то же время стал полем битвы двух блоков. В результате и Индия, и Китай, и государства Ближнего Востока начали активно разыгрывать карту глобального противостояния США и СССР, пытаясь получить наибольшие выгоды и приобрести лучшие шансы для геополитических маневров (Лунев 2010). Китай с конца 1960-х гг. стал

сближаться с США, чтобы противостоять СССР (Киссинджер 1997). Индия во времена Дж. Неру (и после него) играла ведущую роль в Движении неприсоединения, будучи в 1983–1986 гг. даже его формальным лидером (Лунев 2010), одновременно балансируя между СССР и США. Активное балансирование между двумя блоками наблюдалось и на БВ, особенно ярко – в Египте. В связи с арабо-израильским конфликтом Ближний Восток стал сдвигаться с периферии на место полупериферии. То же можно сказать об Индии и Китае. При этом у последних в связи с активным экономическим развитием данный тренд в последние десятилетия XX в. явно усилился, что (особенно успехи Китая) послужило основой для возникновения теории возвращения центра развития на Восток (см., например: Frank 1997; 1998; Arrighi 2007; Франк 2002; Арриги 2009).

Таким образом, если в Индии и Китае, равно как и в ряде других стран, в результате мир-системных изменений стали усиливаться национализм и другие идеологии, так или иначе опирающиеся на национальные традиции, то на БВ (в связи с противостоянием Израилю и рядом других моментов, о которых мы еще скажем) на ведущее место в идеологии стал претендовать исламизм (после относительно непродолжительного периода доминирования на Арабском Востоке идеологии арабского национализма [см., например: Хайруллин, Коротаев 2016; 2017а; 2017б; 2017в]).

Отметим, что все три сообщества с самого начала своей послевоенной активности оказались вовлечены в глубокие конфликты. При этом, несмотря на разную историю и причины возникновения, данные конфликты до сих пор сохраняют свою остроту и актуальность. Рождение независимых Индии и Пакистана сразу же ознаменовалось войной между государствами, которая стала продолжением происходивших до этого в течение двух десятилетий столкновений мусульман и индуистов. Впрочем, это было вызвано не только религиозно-политическим соперничеством, но и значительными различиями в политической культуре двух частей прежде единого общества. «История последующего развития Индии с устойчивыми традициями парламентаризма и Пакистана с частыми переменами власти и склонностью к военно-диктаторским режимам позволяет говорить о различии двух политических культур: преимущественно секулярной индийской и исламизированной па-

кистанской» (Алаев и др. 2010: 422)⁵. Напряженность отношений с Пакистаном была и остается сегодня (несмотря на некоторое ослабление) важнейшей характеристикой внешней политики Индии, являющейся крупнейшим импортером оружия в мире (но, впрочем, стремящейся стать и его экспортером; см., например: Арманьян 2015). Китай также начал новый этап своей истории с конфликтов (особенно горячим из них была война в Корее), среди которых неурегулированность отношений с Тайванем является бомбой замедленного действия. Что же касается Ближнего и Среднего Востока, то с момента образования там государства Израиль он остается одним из самых конфликтных регионов планеты. Мало того, это регион, откуда терроризм распространяется по всему миру. В целом неудивительно, что почти все государства Ближневосточного региона очень большое внимание уделяют развитию армий, вооружения и военной стратегии, хотя каждое – по-разному.

В 1970–1990-е гг. рассматриваемые общества стали получать все больше выгод от глобализации (см.: Гринин, Коротаев 2016a: Гл. 5). Первыми это ощутили нефтедобывающие страны Ближнего Востока, полностью преобразившиеся в некоторых смыслах в результате золотого нефтедолларового дождя. Их роль в мире также резко повысилась. Прежде внешняя торговля в этих странах не была существенной отраслью экономики, по крайней мере, не отражалась на жизни основной части населения⁶. В настоящее же время по доле внешней торговли в ВВП Ближний Восток далеко обгоняет и экспортно ориентированную экономику Китая, и активно наращивающую экспорт Индию (см. Рис. 1.3).

⁵ Приведенная цитата, впрочем, подтверждает сказанное выше о том, что слабость государственности на Ближнем Востоке, во многом связанная с особенностями ислама (см., например: Коротаев 1996; 2003; 2005; 2006; Коротаев, Клименко, Прусаков 2007; Коротаев, Исаев 2014; Коротаев, Исаев, Руденко 2014; 2015; Korotayev, Klimenko, Proussakov 1999; 2003; Korotayev 2000; 2003; 2004; Korotayev, Issaev, Shishkina 2013; 2015; Korotayev *et al.* 2016), является важнейшей причиной испытываемых там трудностей.

⁶ Например, объем сделки по первой концессии на добычу нефти в Саудовской Аравии (1933 г.) между компанией «Сокол» и саудовским королем при сроке концессии в 60 лет и на территории 360 кв. миль составлял 625 тыс. долларов (55 тыс. английских фунтов), то есть на современные деньги не более 25–30 млн долларов. Но это были очень большие средства для саудовской династии в то время (Ергин 1999: 227), не говоря уже о бедуинском населении.

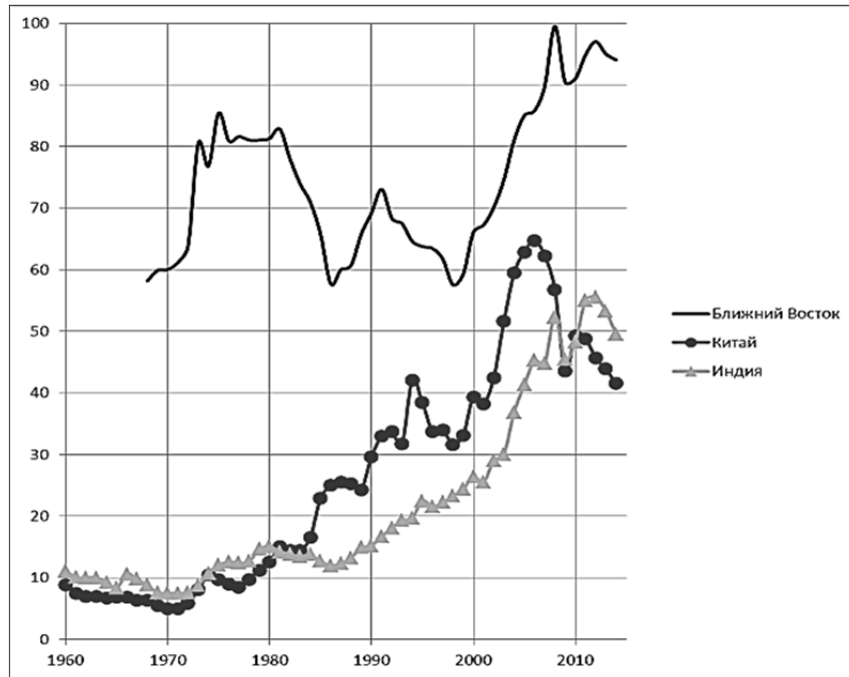

Рис. 1.3. Внешняя торговля, % от ВВП

Источник данных: World Bank 2019.

Однако в целом быстрый рост экспорта и импорта в рассматриваемых странах очень хорошо показывает, насколько активно они интегрируются в глобализационные процессы (кстати сказать, все три региона активно развивают туризм).

Еще один важный показатель развития и интеграции – рост иностранных инвестиций, по которым Китай и Индия существенно опережают Ближний Восток. Впрочем, и по общим инвестициям они также явно его обгоняют (см. Рис. 1.4).

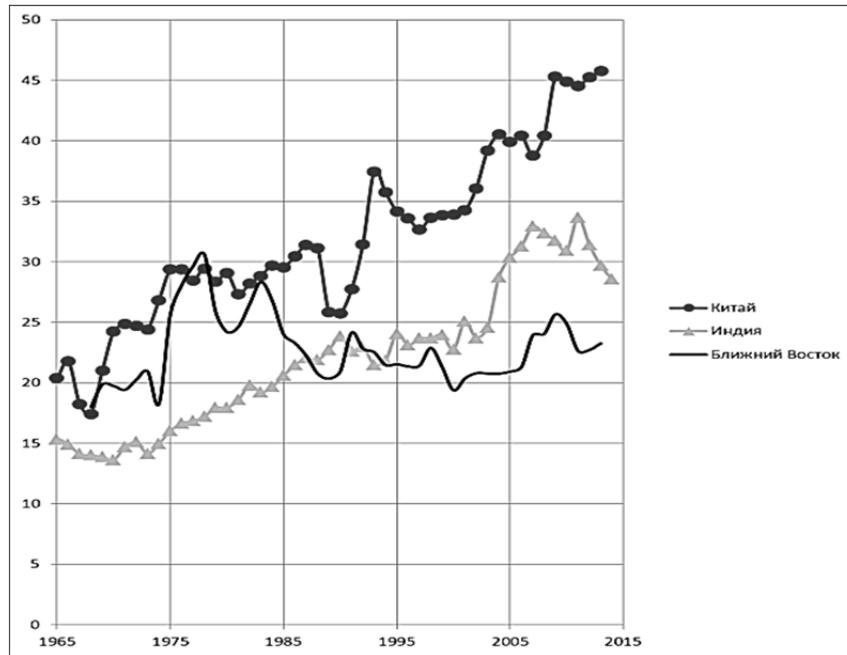

Рис. 1.4. Доля инвестиций в ВВП, %

Источник данных: World Bank 2019.

Несомненно, что дождь нефтедолларов оплодотворил почву, на которой уже и так активно расцветал исламизм. Теперь, обладая мощными официальными и неофициальными финансовыми источниками, это движение могло стать гораздо более сильным и массовым, используя (как это часто и бывает у склонных к радикализму движений) западные деньги против Запада и собственных правительств. Особенно же приток нефтедолларов способствовал усилению официального консервативного исламизма ближневосточных нефтяных монархий, прежде всего Саудовской Аравии.

Таким образом, мир-системная роль Китая, Индии и БВ за последние несколько десятилетий существенно возросла. Однако если Ближний Восток в лучшем случае пока только может претендовать на роль полупериферии, то Китай (а в более отдаленной перспективе и Индия) уже начинает претендовать на роль альтернативного центра (или даже противочентра) в Мир-Системе.

Но эта периферийная и полупериферийная роль БВ в Мир-Системе как раз и является важным источником силы исламизма. Ведь,

с одной стороны, экономической мощи Запада они не могут противопоставить растущую экономическую мощь не только ни одной из стран БВ, но и в целом этого региона, а с другой – мусульмане традиционно не готовы признавать превосходство Запада (и христианства как его религии, поскольку многие из них все еще отождествляют Запад и христианство). Вот почему они могут противополжить мощи Запада лишь правильность, истинность и веру в конечную победу ислама как ведущей религии мира. А основой в таком противопоставлении естественным образом является исламизм. С одной стороны, конечно, многие мусульмане завидуют богатству и успеху западных стран, а с другой – имея нефть, они не чувствуют себя бедными (не говоря уже о мироощущении жителей стран Залива) и обиженными. И именно нефть подпитывает многие тенденции БВ, включая исламизм. Ведь она поставила БВ в особое положение и в мире, и в отношениях с Западом, придав ему огромное значение, соответственно, повысив самооценку жителей этого региона.